

Пролог

Ночной воздух был зябким, влажным, с неба сыпалась, не переставая, туманная морось. Девочка крепко держалась за материнскую юбку: ее пугала темнота, пугали ночные шорохи, ей было холодно и тоскливо. Она начала похныкивать, а затем тихий плач сменился протяжными подвываниями.

Мать тут же обернулась и шикнула на нее — с такой непривычной резкостью, что малышка проглотила рвущийся из горла вопль и зажала рот маленьким кулачком, а другой рукой еще крепче стиснула грубую шерстяную ткань юбки.

— Стой тихо, будь умницей, — вновь сердито шепнула мать, — и никуда не уходи.

Она сделала было шаг в сторону, но малышка все цеплялась за ее юбку.

— Пусти, — резким шепотом велела мать и не без усилия высвободила юбку из пальцев девочки. Опустилась на колени, так чтобы ее лицо было вровень с лицом дочери, хотя в темноте они еле-еле различали силуэты друг друга.

— Мне очень нужно, чтобы ты постояла пока здесь, лапушка, — проговорила она уже мягче. — Я сейчас, только принесу кое-что. На одну минутку, честное слово. А ты постой здесь. Я тебя не брошу.

Она наклонилась к девочке, тронула губами влажную щечку, успокаивающе пригладила мокрые волосы и шагнула в ночь.

Перепуганная девочка замерла на месте, уставившись широко раскрытыми глазами в черную

пустоту, где только что была ее мать. Она изо всех сил вслушивалась, не идет ли мама, но слышен был только стук дождевых капель, падающих с листьев деревьев, и тихий шелест травы у самых ног. Когда прямо у нее над головой ухнула сова, девочка вскрикнула от испуга, но осталась стоять где стояла. Она боялась ночной темноты и того, что могло в ней скрываться, но еще больше боялась, что мать не найдет ее, если она сойдет с места. Новый звук заставил ее вздрогнуть, но теперь уже это была мама: она вышла мягкими крадущимися шагами из ночной темноты, что-то держа в руках.

— Розмари, где ты, девочка? — послышался тихий шепот.

— Я тут, мама. — Тонкий голосок дрожал от страха и облегчения.

— Умница. Вот там и стой.

Послышались новые звуки: стук лопаты о землю, тяжелое от натуги дыхание, звон металла.

— Что ты там делаешь, мама? — прошептала девочка.

— Помолчи пока, моя хорошая, — мягко ответила мать, — еще минутку, и я тебе покажу.

Наконец, звуки смолкли, и девочка почувствовала в своей ладони мамину руку.

— Иди ко мне.

Девочка шагнула вперед, куда тянула ее рука, и вскоре эта рука крепким, надежным кольцом прижала ее к маминому боку. Дождь все еще шел, но сквозь рваные облака пробился слабый лунный свет, и теперь, когда глаза уже совсем привыкли к темноте, девочка разглядела небольшую ямку,

вырытую во влажной земле. Рядом стояло крошечное деревце, готовое к посадке.

— Ну вот, Розмари, — сказала мама, — сейчас мы с тобой тоже посадим дерево в память твоего отца, как те леди и джентльмены сажали сегодня. Помнишь?

Розмари кивнула в темноте. Она видела днем, как взрослые собрались на краю деревни и сажали деревца.

«Это в память о тех бедных солдатиках, что не вернулись с войны, — сказала ей бабушка, когда они стояли поодаль и наблюдали за церемонией. — А рядом с каждым деревцем имя — видишь? Чтобы все про них помнили».

— Они же не знали, что нужно посадить еще одно, в память твоего отца, — пробормотала мама, — ну так мы с тобой сами посадим, вдвоем — ты и я. — Она взяла саженец и осторожно поставила в вырытую яму. Придерживая его, прошептала: — Подсыпь-ка земли в ямку, Розы.

Девочка опустила на колени и бросила в яму горстку мокрой, грязной земли. Тяжелая, вязкая, она липла к пальцам и пахла мокрыми листьями. Девочке это не понравилось, она отряхнула руки и протянула их к маме, но та, вместо того чтобы вытереть ей ладошки, как обычно, только прошептала:

— Вот умница. Давай-ка еще чуток.

Поверх дочкиной головы она тревожно вглядывалась в темноту. Малышка неохотно набросала еще немного свежевырытой земли вокруг корней саженца. Наконец мама негромко сказала:

— Хватит.

Она взяла лопату и быстро забросала яму землей, потом заровняла образовавшуюся горку. Нагрела немного прелых листьев и раскидала у основания ствола, чтобы новое деревце не выделялось среди восьми других молоденьких ясеней, посаженных раньше, днем.

Женщина отложила лопату, подняла с земли большую черную сумку, которую бросила рядом, когда они пришли, и достала из нее маленькую фоторамку на деревянном колышке. На карточке под стеклом аккуратными черными большими буквами были выведены слова: «НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ». Женщина протянула рамку дочери.

— Тут написано про твоего папу, — объяснила она, — и мы воткнем ее в землю рядом с деревом.

Она положила ладони на детские руки, и вдвоем они вдавили длинный деревянный колышек с табличкой в землю, рядом со стволом маленького ясеня.

— Благослови тебя Бог, — вполголоса проговорила женщина. — Мы тебя никогда не забудем.

Она обняла дочь — их общую дочь, — и слезы обеих смешались в темноте с каплями дождя. Какое-то время они стояли рядом на коленях на мокрой земле, а затем мать поднялась на ноги. Наклонилась к дочери и поцеловала ее в мокрую щеку.

— Это наш секрет, лапушка, — мягко сказала она. — Не рассказывай никому, как мы с тобой сажали папино дерево. Это будет наш секрет, ладно?

— Даже бабушке с дедушкой? — спросила девочка. Ее не удивил этот запрет: мама никогда не говорила с ней об отце при бабушке и дедушке.

— Даже бабушке с дедушкой, — ответила мать. — Только мы с тобой на всем белом свете будем знать, чье это дерево и кто его посадил. Обещаешь?

— Обещаю, — серьезно ответила малышка. — Никому на всем белом свете... никогда!

Луна выплыла из-за облаков, и они обе поспешили прочь, опасаясь, как бы их не увидели чьи-нибудь любопытные глаза. Но в ту ночь мать легла в постель со спокойной душой — впервые за почти четыре года.

Девятое деревце мирно стояло в лунном свете — еще одно деревце в только что высаженной мемориальной роще.

1

— Через мой труп, — отрезала Сесили Стронг. — Это же Эшгроув!

— Эшгроув? — Майк Брэдли, управляющий директор компании «Бригсток Джонс», растерялся впервые в жизни. — Прошу прощения, мадам, не могли бы вы... То есть я, конечно...

— Деревья в дальнем конце площади, — терпеливо пояснила Сесили. — Вы не можете срубить эти деревья, чтобы проложить дорогу! Это же Эшгроув.

— Мадам, уверяю вас, — начал было Майк Брэдли, пытаясь понять, что это еще за полоумная старая ворона, и злясь: такая древняя бабулька, лет девяноста, если не больше, а так наскაკивает, — если бы у нас был какой-то другой...

— А вы хоть знаете, что такое Эшгроув, дражайший? — спокойно продолжала Сесили, словно он и рта не открывал. — Нет, конечно, не знаете. Не имеете ни малейшего понятия.

— Ну, в общем... э-э-э... — протянул Брэдли. Он и правда понятия не имел.

Сесили вновь его перебила:

— Это мемориал. Вот что это такое.

До сих пор на собрании то и дело слышалась какая-то возня и бормотание, даже когда выступали главные ораторы, зато теперь стало так тихо, что

буквально упавшую на пол булавку было бы слышно, и все взгляды были прикованы к Сесили.

— Эшгроув был посажен восемьдесят лет назад, в 1921 году, — сказала Сесили, — в память о жителях нашей деревни, погибших за своего короля и страну во время Первой мировой войны. О наших мальчиках, которые не вернулись домой. Каждое дерево посажено в память погибшего, и один из них — мой брат Уилл. — Говоря, Сесили не сводила глаз с Майка Брэдли. — В будущем году, в июне, мне исполнится девяносто три. Моему брату Уиллу Стронгу было всего семнадцать, когда он ушел на фронт, и погиб он, так и не дожив до восемнадцати: его разорвало на куски снарядом. Все, что осталось от него, — вот это самое дерево, посаженное в его память. Все, что осталось от него и от других мальчиков, которые ушли на фронт. Если единственный способ проложить дорогу — срубить эти деревья, уничтожить памятник этим мальчикам, то вот что я вам скажу, мистер Брэдли, или как вас там, — она обратила к трибуне негодующий взгляд, — только через мой труп!

Весь вечер у Майка Брэдли хлопот был полон рот: он хотел продать деревне Чарлтон Амброуз план застройки участка, а хлопотным это дело оказалось потому, что деревня разделилась на два лагеря: план обновления старой застройки вызвал споры. Как только Сесили Стронг договорила, глухой ропот, слышавшийся на собрании весь вечер, наконец разразился грозой. После секундного молчания, которым были встречены слова Сесили, все заговорили одновременно. Словно не замечая вызванного ею шума, старушка с великолепным достоинством

взялась за свои ходунки, медленно прошагала через холл и вышла в ночь.

Майк Брэдли тут же вскочил на ноги и одним лишь психологическим воздействием сильной натуры подавил шум в зале.

— Дамы и господа, — воскликнул он, — дамы и господа, могу вас заверить, что память павших на войне осквернена не будет. Моя компания, разумеется, установит в их честь каменный мемориал — настоящий, на века, памятник их мужеству и самопожертвованию.

— У них и так есть памятник на века, — гневно выкрикнул кто-то, — пока вы его еще не срубили!

Снова раздался шум: люди выкрикивали с мест, стараясь донести до остальных свое мнение по поводу застройки. Майк Брэдли снова сел, весь красный от гнева: он был в ярости из-за того, что угодил в такую западню. Почему ему никто не рассказал об этих мемориальных деревьях? Кто-то из его подчиненных не выполнил своих обязанностей, и, кто бы это ни был, не сносить ему головы! Майк Брэдли не любил попадать в ситуации, не подвластные его контролю.

Проезд к строительной площадке через деревенскую площадь был критически важен для всего проекта — без этого Майк никогда бы не взялся перестраивать этот обветшалый деревенский клуб, что составляло важную часть сделки. Брэдли обвел гневным взглядом присутствующих, но в суматохе о нем уже все забыли.

Поле Шарп, председателю приходского совета, стало совершенно ясно, что дальнейшие обсуждения

в этот вечер уже ни к чему не приведут, и она вновь стукнула молотком, пытаясь призвать публику к порядку.

— Дамы и господа, мисс Стронг подняла вопрос, затрагивающий интересы нескольких семей в деревне, и, разумеется, его следует обсудить на каком-то из следующих заседаний. Я благодарю мистера Брэдли за его предложение заменить мемориальные деревья новым памятником, но сегодня мы уже, очевидно, ни к чему не придем, поэтому объявляю собрание закрытым.

Рэйчел Эллиот, корреспондент местной газеты «Белкастер кроникл», прибыла сюда по заданию редактора, чтобы написать заметку о собрании. В краткой записке, которую Дрю оставил ей, было сказано просто: «Открытое заседание, деревенский клуб Чарлтон Амброуз, 7:30. Проект застройки». Прибыв на место, Рэйчел обнаружила, что маленький клуб напряженно гудит в ожидании чего-то, и ощутила легкую дрожь предчувствия: кажется, на этом собрании она узнает нечто более интересное, чем рассчитывала.

За вечер разногласия в деревне по поводу предложенного «Плана реновации Чарлтон Амброуз» вылились в окончательный раскол на два противоборствующих лагеря, и, вопреки одиноким голосам разума, страсти накалялись все сильнее.

С Майком Брэдли Рэйчел до сих пор не встречалась, однако слава расчетливого дельца бежала впереди него, и теперь журналистка с интересом наблюдала за ним с того момента, как он поднялся с места. Это был представительный мужчина лет

сорока, с начинающими редеть волосами песочного цвета, с нездоровым румянцем на лице. В его светло-карих, пронзительно острых глазах чувствовалась скрытая безжалостность, которой, как догадывалась Рэйчел, он и был обязан своим нынешним положением. Рэйчел почувствовала, как эти глаза на мгновение остановились на ней, вычисляя, зачем она здесь. С ручкой наготове она ждала, когда он заговорит.

Уверенным и, как показалось Рэйчел, довольно снисходительным тоном Майк Брэдли изложил свои планы по застройке участка, выкупленного им у приходского совета. Он без запинки отвечал на вопросы о количестве молодежных домов, о размерах другого, элитного жилья и предполагаемого нового деревенского клуба. Набрасывая заметки по ходу его речи, Рэйчел не могла не отдать ему должного: это было весьма профессиональное выступление человека, знающего, чего он хочет, и решительно настроенного добиться желаемого. Он сохранял спокойствие и невозмутимость перед лицом довольно враждебной группы антизастройщиков, и лишь после того, как Сесили Стронг метнула свою бомбу, Рэйчел заметила, что он утратил самообладание. Эти красные пятна, ползущие по шее за воротник, этот гневный блеск в глазах наверняка заставили бы всех его подчиненных в офисе испуганно пригнуть головы. Для Рэйчел все это не прошло незамеченным. Она с интересом наблюдала, как Майк Брэдли, всеми забытый среди взволнованно гудящей публики, сует свои бумаги в портфель и готовится выскользнуть за дверь. Ясно было, что сейчас ему

хочется только одного: обратиться из этого неприветливого клуба и выяснить, кто же его так подставил.

Рэйчел перехватила его, когда он сошел с трибуны. Увидев, что она преградила ему путь, он сердито нахмурился, но она была не новичком в своем деле, и грозной миной ее было не запугать.

— Мистер Брэдли, — улыбнулась она ему. — Я Рэйчел Эллиот из «Белкастер кроникл», и я хотела узнать, нельзя ли задать вам несколько вопросов...

Он выдавил из себя некое подобие улыбки:

— Конечно, мисс Эллиот, в любое время. Просто позвоните моей секретарше. — Он сунул руку во внутренний карман, вытащил оттуда визитную карточку и протянул Рэйчел. — Буду рад встретиться с вами. А теперь прошу меня извинить.

Он не то чтобы оттолкнул ее, но, как она позже рассказывала Дрю Скотту, своему редактору, «попер мимо меня к двери, как танк».

Рэйчел сунула карточку в карман и перевела взгляд на трибуну, где Пола Шарп все еще увлеченно беседовала с Дэвидом Эндрюсом, инженером по планированию. Рэйчел знала, где найти обоих, если понадобится, а потому повернулась к залу: ей хотелось поговорить с кем-нибудь из жителей Чарлтон Амброуз. Зал уже начинал пустеть, однако Рэйчел заметила одного из самых громогласных представителей лобби антизастройщиков, представившегося на собрании Питером Дэвисом. Он все еще беседовал о чем-то с высоким мужчиной лет тридцати с небольшим, и Рэйчел подошла к нему.

— Прошу прощения. Мистер Дэвис?

Питер Дэвис поднял глаза и хрипло отозвался: